

«УТВЕРЖДАЮ»

И.о. директора
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института славяноведения Российской
академии наук

« 27 » августа

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института славяноведения Российской академии наук о диссертации **Пеньковой Яны Андреевны «Аналитические формы с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне»**, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Диссертация Яны Андреевны Пеньковой «Аналитические формы с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне» представляет собой фундаментальное исследование развития и становления сложных форм будущих времен в русском, а также в славянских и частично европейских языках.

Актуальность работы объясняется целым рядом положений, обозначенных в параграфе «Актуальность и научная новизна исследования», а также в параграфах «Степень разработанности проблемы» и «Цели и задачи исследования». Автор исходит из того, что в изучении эволюции аналитических форм с референцией к будущему имеются лакуны: при исследовании русского материала не учитываются славянские и другие языки, их контакты и взаимовлияния, недостаточно рассмотрены среднерусские памятники и др. В связи с этим ставится **цель систематического диахронического описания и многостороннего изучения форм будущего**

времени с учетом *контактных* и *ареальных* факторов, «которые в отечественной русистике остаются недооцененными».

Для достижения этой цели формулируются 10 **задач**, коррелирующие с теми **методами**, которые Я.А. Пенькова применяет в своей работе. Перечень методов впечатляет читателя и определяет разноплановый подход автора к исследуемой теме. Сочетание сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического подходов, диахронии и синхронии всегда очень плодотворно в грамматологии, а выход на корпусную лингвистику с добавлением инструментария функционально-семантического, дискурсивного анализа, а также анкетирования делают исследование практически исчерпывающим.

Полноценному выполнению задач диссертации способствует и охват **материала**, который послужил Я.А. Пеньковой объектом досконального исследования и основанием для обобщающих теоретических выводов — начиная с древнерусских и среднерусских памятников вплоть до корпусов языков и результатов анкетирования по современному состоянию форм будущего времени и близких к ним конструкций. Автор привлекает также сведения из других славянских и неславянских языков различных исторических периодов. Работа выполнена на внушительной **теоретической базе**, все аспекты темы снабжены обстоятельными обзорами истории вопроса. Библиография обширна и включает значительное количество зарубежных исследований.

Диссертация выстроена логично: она состоит из двух разделов (томов), разделы — из частей, которые, в свою очередь, состоят из глав, а те из весьма мелких параграфов. Все главы завершаются выводами, а в самом конце работы дается общее заключение для двух разделов. Забегая вперед, отметим, что, с одной стороны, представленное в начале труда детальное содержание помогает ориентироваться в тексте, с другой — несколько усложняет целостное восприятие работы.

Между тем, *система, системность* — ключевые понятия для этого диссертационного исследования, и некоторая «дробность» — это безусловно научный стиль и достоинство исследовательской мысли автора. Именно такой подход к проблемам приводит Я.А. Пенькову к заключению, что «история аналитических форм с референцией к будущему — это не история изолированных форм, а история взаимодействия конструкций в рамках *системы* (курсив наш. — И.С.) и взаимовлияния их друг на друга, это обладающие внутренней логикой тенденции, тесно связанные с универсальными механизмами прагматического переосмысления и метафоризации временных показателей и их сочетаний» (2, с. 251).

Два раздела диссертации, хотя они и посвящены аналитическим формам, апеллирующим к будущему, представляют собой самостоятельные части: первая посвящена аналитическим формам с инфинитивом, а вторая – предбудущему. Мы не будем пересказывать содержание работы, остановимся на главных идеях, разработках и достижениях автора. Прежде всего, это скрупулезность исследования. Я.А. Пенькова стремится к рассмотрению каждого языкового факта, имеющего отношение к теме, иногда даже очень косвенное. Все глаголы, участвующие в построении будущих времен или имевшие потенциал для грамматикализации, анализируются в самых разных аспектах: исследуется их частотность в диахронии, словообразовательная парадигматика, семантика в их полнозначном употреблении, лексическая синонимия, актантные типы, стилистика и пр. Устанавливается хронология развития и динамика начинательных значений у глаголов, приводятся наблюдения в их частотности в истории русского языка и в современном употреблении, ср., например, один из промежуточных выводов: «В XX в. самыми частотными из начинательных глаголов становятся НАЧАТЬСЯ и ПОЯВИТЬСЯ, частотность глаголов ВОЗНИКНУТЬ и НАСТУПИТЬ также увеличивается, тогда как НАСТАТЬ, самый распространенный в древне- и среднерусской письменности, в текстах XX в. становится одним из самых редких начинательных глаголов» (1, с. 230). Изучаются глагольные конструкции разной структуры – как с инфинитивом, так и без него, что позволяет автору, в частности, «выявить принципиальную разницу между большинством глаголов с ЧЬН, с одной стороны, и УЧАТИ, с другой» (1, с. 247) что подводит автора к мысли о роли финно-угорского субстрата в возникновении языковой единицы УЧАТИ.

Как видим, кроме глобальных проблем – грамматикализация глагольных форм, генерализации определенных глаголов в функции служебных слов, Я.А. Пенькова обращается к менее «заметным», частным темам. Так, автор стремится показать широкий спектр возможностей передачи будущего времени, включая случаи фразеологизации. Она рассматривает западнославянский предложный тип, образованный при помощи вспомогательного глагола ‘быть’ и конструкции с предлогом *po* в значении ‘после’, который выделяется в рамках так называемого предложного результата, известного в чешском, словацком, польском и верхнелужицком (2, с. 27–28).

Я.А. Пенькова последовательно проводит принцип верификации гипотез о становлении той или иной формы после обзора соответствующих гипотез и изложения имеющихся теорий. К примеру, при анализе истории грамматикализации глагола СТАТИ, она обращается к разного рода

памятникам и текстам (включая берестяные грамоты), поскольку, как она считает, высказанные мнения недостаточно подкреплены эмпирическими сведениями. На материале исторических словарей русского языка она сводит семантику полнозначного глагола (28 значений) к нескольким большим блокам, чтобы показать пути его грамматикализации (1, с. 314–315), одновременно доказывая, что «локусом грамматикализации ингрессивного СТАТИ послужили не связочные употребления, а конструкции с *инфинитивом цели*, что подтверждается тенденцией к преобладанию предикатов с семантическим признаком контролируемости действия» (1, с. 329).

Автор не только прослеживает эволюцию форм предварительного будущего с различной структурой и семантикой, но и проводит сравнение с другими временными и модальными конструкциями – прежде всего, перфектом, эвиденциальными формами и др. Граница между будущим временем и модальностью здесь может быть весьма условной, особенно в живой речи, поскольку, как представляется, для ряда форм будущего, во всяком случае для будущего предварительного, гипотетичность – составная часть таксиса. Кроме того, скажем, в болгарском, будущее предварительное может заменяться конструкциями с эпистемическими показателями *да не би* и *май* или наречиями *може би*, *вероятно* в сочетании с перфектом (см. пример 33 из анкеты). Наличие омонимических дубликатов в подобных случаях отмечает Я.А. Пенькова для новогреческого, румынского и болгарского языков (2, с. 98).

Значительным достижением Я.А. Пеньковой следует считать ее разработки в области контактологии и ареалогии. Именно внешними контактными влияниями объясняются многие явления в развитии системы будущих времен, в частности, подтверждается значительное воздействие на морфосинтаксис русского языка тысячелетних контактов с уральскими языками (1, с. 300–301). В эволюции конструкции БУДУ с инфинитивом, вовлечении в парадигму ИМЪТИ форм прошедшего времени и кондиционала и др. форм диссертант усматривает возможности контактного польско-рутенского влияния (1, с. 113–114), она приводит и случаи резьянского, греческого и др. воздействия на морфосинтаксис различных славянских языков. В развитии сверхсложных форм будущего в южнославянских языках усматривает контактные влияния.

Действительно, при изучении истории языков гетерогенного балканского языкового союза (БЯС), в которых аналитические формы будущего времени с «хотеть» и «иметь» считаются одним из важнейших балканизмов, рассматривались и субстратные, и контактные теории. В

результате известный балканист П. Асенова приходит к выводу о полигенезисе балканизмов в целом и форм будущих времен в частности (П. Асенова. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново, 2002, с. 210–211). Представляется, что в языке-реципиенте должен быть формальный и семантический потенциал, чтобы принять (перенять) определенные конструкции из языка-донора.

При прочтении такого обширного труда не могут возникнуть некоторые вопросы, замечания и предложения.

Название диссертации «Аналитические формы с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне» отражает не всё содержание исследования, которое не ограничивается русским и славянскими языками. Практически во всех разделах Я.А. Пенькова совершает экскурсы в языки и диалекты других групп (включая агульский, мертвый ливский, уальгский кечуа и мн. др.), что однако почти не отмечается специально. Для такой работы был бы полезен *индекс* тех языков и диалектов, к которым обращается автор в своем исследовании.

При том, что переводы выполнены корректно, мелкие замечания отчасти вследствие межславянских «ложных друзей переводчика» имеются.

(56) БОЛГАРСКИЙ: Нека ме вземе и убие — **ще ме е убил** той; нека ме остави християнски пленник — **ще го е направил** той. ‘Пусть он возьмет и убьет меня — меня **убил** [именно] тот, пусть он оставит меня христианским пленником — его **направил** [именно] тот’. (В. Мутафчиева) [Ницолова 2008: 315]. Болг. *ще го е направил той*, скорее, переводится как «это **сделает** именно он; именно он так **поступит**»), болг. *направля* ‘сделать’.

Вызывает возражения еще один пример: (64) БОЛГАРСКИЙ: Тъкмо **ще съм си починал**, когато ратниците на брат ми ме открият и ми прережат гърлото. ‘Я **буду отдыхать** только [тогда], когда воины моего брата меня найдут и перережут мне горло’. (Krum Bachvarov. Pridvorniyat ubiets. Kniga 1. Tronat, 2001) [БНК] В этом примере неверно переведена глагольная конструкция, здесь иной таксис – «Как раз я (уже) отдохну (к тому времени), успею отдохнуть, когда воины моего брата меня найдут и перережут мне горло».

Отметим здесь, что в переводах на русский, особенно в примерах из двуязычных корпусов, нельзя не учитывать особенности художественного перевода, которые характеризуются выбором лексики, модальности и грамматических конструкций. В связи с этим для некоторых примеров хорошо бы видеть более полный контекст, например (16) БОЛГАРСКИЙ: Никой не се обади. — Ах, **ще е бегал**! ‘Никто не отвечает. — Ах, **наверное**, он **убежал**!’ (И. Вазов. Под игото).

Вопросы о будущем и о предварительном будущем («старом» и «новом») входят в проект «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ, руководитель А.Н. Соболев). Я.А. Пенькова цитирует одно из изданий этого проекта (*Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Тулья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München, 2005*). Полезным было бы снабдить работу ссылками на картографирование вопросов МДАБЯ 6.4.1.11.1. «Какая глагольная форма выражает значение абсолютного будущего. *Хотеть/иметь*» (Карта 21) и 6.4.1.11.5. Выражается ли отрицательная форма будущего времени с помощью вспомогательного глагола *хотеть* или *иметь*? (Карта 22), опубликованных в издании «Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск» / Андрей Н. Соболев (ред.) (Biblion Verlag München, 2003). Релевантны и ответы на пункты вопросника МДАБЯ о формах будущего и будущего предварительного 6.4.2.2.7–6.4.2.3 (особенно 6.4.2.2.7 «Употребляется ли форма перфекта в значении будущего времени» и 6.4.2.3. «Будущее предварительное. Употребляется ли перфект в значении будущего предварительного») в издании *Джеляль Юллы, Андрей Н. Соболев. Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg an der Lahn, 2002. С. 147*.

Возможно, следовало бы указать на диалектное разнообразие частицы будущего времени в болгарском *ЩЕ*: *ща (щъ), ще да, ша, ше да, жа да, жда, жа, за, ке* и позднее становление литературной нормы с *ще* (Младенов Ст. История на българския език. София, 1979. С. 285). Кроме того, интересны рассуждения этого болгарского лингвиста о специфике личных и безличных конструкций с *имам*. В личных конструкциях типа *Имам да давам* он не видит референции к будущему, а в безличных *Има много да скитаиш* такую референцию он обнаруживает (там же, с. 286).

В диссертации не учитывается монография Г.А. Цыхуна «Типологические проблемы балканославянского ареала» Минск, 1981, в которой имеется глава «Балканские инновации в сфере выражения временных отношений» (с. 159–188), целиком посвященная аналитическим формам будущих времен. Некоторые положения работы Я.А. Пеньковой служат интересными комментариями к взглядам балканиста, например, к следующему параграфу: «Описательное будущее время с ‘хотеть’ представляет собой в некотором роде исключительный ареальный балканославизм, поскольку в современных славянских языках и диалектах за пределами Балкан невозможно указать аналогичное структурное образование, демонстрирующее зачатки такого употребления, хотя не исключено, что развитие в таком направлении славянских конструкций с ‘хотеть’ возможно

при определенной поддержке внешних факторов» с примечанием, что «повидимому, этим объясняется употребление соответствующих сербо-лужицких конструкций (с. 159–160).

Несмотря на то, что, как говорилось, главы заканчиваются выводами, а вся работа общим заключением, отдельные обобщения к томам 1 и 2, как кажется, необходимы, поскольку они представляют собой самостоятельные части исследования.

Незначительные замечания трудно отнести к недостаткам работы, это, скорее, некоторые размышления или дополнения и пожелания на будущее.

В целом диссертационный труд Я.А. Пеньковой отличается многосторонним многоуровневым подходом к разработке поставленных задач и является значительным вкладом не только в отечественную русистику, но и в типологические исследования. Автору удалось пересмотреть многие имеющиеся представления относительно системы аналитических форм с референцией к будущему и ее эволюции и представить собственное видение.

Новизна и практическая значимость диссертационной работы Я.А. Пеньковой не вызывают сомнений. Показанные общие закономерности эволюции сложных конструкций с референцией к будущему послужат основой для последующих сравнительных и типологических исследований в области исторической грамматики. Более частные случаи будут способствовать дальнейшему уточнению и подтверждению уже имеющихся гипотез.

Отдельно следует отметить прекрасное оформление работы – с учетом сложности примеров, шрифтов, помет – практически нет опечаток, всё выверено и стилистически безупречно.

Основные положения диссертации отражены в автореферате. Результаты и промежуточные этапы диссертационного исследования прошли профессиональную апробацию на российских и международных научных мероприятиях различного уровня и полностью отражены в публикациях автора в высокорейтинговых журналах и в монографии

Диссертация Яны Андреевны Пеньковой «Аналитические формы с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки), является научно-квалификационной работой, которая отражает результаты самостоятельного масштабного исследования русских и славянских глагольных конструкций, апеллирующих к будущему, соответствует паспорту научной специальности и требованиям положений

9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. (в текущей редакции), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор Яна Андреевна Пенькова заслуживает присуждения ей искомой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Отзыв составлен доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Отдела типологии и сравнительного языкознания И.А. Седаковой.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании Отдела типологии и сравнительного языкознания (протокол № 2 от 25 августа 2026 г.).

Ведущий научный сотрудник
Отдела типологии
и сравнительного языкознания,
доктор филологических наук

И.А. Седакова

Зав. Отделом типологии и
сравнительного языкознания,
доктор филологических наук

И.А. Седакова

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения Российской академии наук, Министерство науки и высшего образования РФ, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32-а, корпус В. Тел. 8 (495) 938-17-80; адрес электронной почты: inslav@inslav.ru; адрес официального сайта в сети «Интернет»: <http://inslav.ru>

И.А. Седакова удостоверяю
Отдела кадров ИСл РАН
25 августа 2026 г.